

ОЛЕГ СТРИЖАК

ДЕШЕВОЕ КОЛЕЧКО

Пьеса
в одном действии

Действующие лица

Павел.

Мария.

Светлана, их дочь, 18 лет.

Комната, из которой собираются уезжать. Дверь в другую комнату, дверь на веранду. Разобранная мебель, книги в пачках. Окно в сад. Ранняя осень. Мария и Светлана увязывают книги.

Светлана. Я ненавижу эти книги!

Мария. Книги?

Светлана. Зачем нам столько книг? «О буржуазной военной науке!» «Искусство бального танца!» Самоучитель английского языка, тысяча девятьсот восьмой год, издание братьев Холмушиных!

Мария. Отец интересуется всем...

Светлана. Гете на немецком, восемь томов! Никто из нас ни слова по-немецки... Плюшкины вы. Куда мы это денем? Там потолки два пятьдесят.

Мария молча увязывает книги.

Мам! зачем мы едем?

Мария. Ты не хочешь?

Светлана. Не знаю.

Мария (*вздыхает, оглядывает комнату*). Один переезд равен двум пожарам. (*С обидой.*) У вас получается, что квартира нужна мне одной. Все равно нас сносят.

Светлана. А я не хочу!

Мария. Отец всегда говорил, что пока мы живем в этом доме, нас минуют все беды. Ты не знаешь...

Светлана (*чуть раздраженно*). Я знаю.

Мария. В этом доме...

Светлана. Вы жили здесь студентами, когда поженились.

Мария. Положим, все было немножко не так... Но было очень хорошо.

Светлана (*вспомнив*). Да, отец здесь жил с каким-то лучшим другом... Пока не появилась ты? А куда делся тот друг?

Мария. Он умер... вскоре.

Светлана. Отчего?

Мария. Займись делом.

Светлана. А потом скончалась старушка и домик оставила вам. Дом, сад и георгины...

Мария. Цветов была одна узенькая грядка.

Светлана. Да знаю я, что это все больные надарили...

Мария. Светка! Нельзя так. Он очень многим спас жизнь.

Светлана. Как вы все всегда это торжественно говорите! У него работа такая. Почему-то про терапевтов никогда не говорят, что они спасают жизнь.

Мария. Он спас жизнь мне.

Светлана. Разве отец тебя оперировал?

Мария. Немножко не так...

Светлана (*смотрит в окно*). Осень уже. И вся красота пойдет под нож бульдозера. Мама, ну посмотри, какое утро. Мама! Последнее ведь. Роса!

Мария. Светка, ты будешь?.. Сколько можно...

Входит Павел.

Павел (*деловито, слегка взвинченно*). Девочки, уже десятый час, в одиннадцать придет машина. Мне после обеда в больницу. Давайте поскорее.

Светлана. Папа, посмотри, какой сад...

Павел. Я-то думал, это будет вечно.

Мария. Что мы еще забыли? Что-то ведь забыли. Стулья, посуда во дворе... Шкаф... Книги. На чердаке ничего у нас нет?

Светлана. Чердак! Чур, я полезу!

Павел. Двадцать лет собирался там порядок навести. Учебники старые... Может, из журналов что? А так — рухлядь, еще от Прасковьи Петровны.

Светлана. Я полезу, ладно?

Павел. Не нужно. Я сам.

Светлана. Папа! Я сто раз туда лазила...

Мария. Ты не разберешься. И перемажешься. Там сила нужна...

Светлана. Как хотите. Мам, это можно нести?
(Берет две пачки книг, выходит.)

Павел смотрит в окно.

Мария. Жалко?

Павел. Выстроят ведь заурядный микрорайон.

Мария. Если б ты не упрямился...

Павел. Да! Была бы давно и квартира, и дача...

Мария. Павел!

Павел. Две квартиры и две дачи.

Светлана *(показываясь в окне)*. Ты, папа, главный хирург и мог бы...

Павел *(добродушно)*. Брысь.

Светлана. Конечно! *(Исчезает.)*

Павел. Домик-то никудышный. Помнишь?

Мария *(оглядывает комнату, задумывается)*. Прасковья жила там, и двери этой не было. А стены были беленые. Здесь стояла твоя койка, здесь...

Павел. Да.

Мария. Скажи, только честно, ты Мишу вспоминаешь? Хоть иногда? Вспоминаешь?

Павел. Нет.

Мария. И я нет. Это плохо?

Павел. Не знаю.

Мария. Мы с тобой дурные люди?

Павел. Маша...

Мария. Мы эгоисты, да?

Павел. Маша!

Мария. Мы словно сговорились не вспоминать о нем, такой противный, мелочный сговор!

Павел. Маша...

Мария. Наверное, это жизнь.

Павел. Посуда во дворе... Трельяж, кровати увезли вчера...

Мария. Стояли две солдатские койки, здесь — кри-

вая этажерка с книгами, и над ней — портрет великого Пирогова. Я люблю эту комнату.

Павел. Да... *(Начинает увязывать книги.)*

Мария. Это правда, что ты любил меня с первого курса?

Павел. Маша..

Мария. Ну, скажи, я прошу тебя!

Павел. Правда.

Мария. С самого-самого первого курса? Самого-самого первого дня? Расскажи, как ты меня увидел!

Павел. Я рассказывал.

Мария. Ну, еще. В последний раз. Павел! Мне это очень нужно сейчас.

Павел подходит к окну, глядит в сад.

Ну?

Павел. Ты опоздала на вводную лекцию по анатомии. Начинался сентябрь. Вот такое же утро. Черный амфитеатр. Солнце... Комлев — вещает. Мы — в волнении, мы горды!.. И тут отворяется огромная скрипучая дверь — и появляешься ты.

Мария. Комлев уничтожил меня своей изысканной вежливостью...

Павел. А ты стояла — маленькая, в голубеньком застиранном свитерке...

Мария. Не обижай мой лучший свитер!

Павел. И с бантами. У меня даже сердце сжалось...

Мария *(словно подсказывая)*. Девочка моя...

Павел. Да. Девочка моя.

Мария. И ты любил меня? Молча? Все пять лет? И ни слова?

Павел. Ни слова.

Мария. Как в старинном романе. Бестолковый мой муж. *(Пауза.)* Зима была — жуткая...

Павел. Не надо.

Мария. А об этом мы с тобой никогда не говорили,

Павел. Зачем?

Мария. До сих пор не знаю, почему пришла тогда к тебе, я никогда тебя раньше не замечала... тихий мальчик, надежда курса. *(Торопливо.)* Я думала, я умру, я уже умирала — от всего... и пришла почему-то к тебе. В валеночках, Печка топилась, а ты читал. Когда я ска-

зала, что я беременна, ты побледнел, ты не помнишь, ты побледнел... «Девочка моя...» — как ты меня тогда любил! (Целует его.) А сейчас?

Павел. А ты?

Долгий поцелуй. Входит Светлана.

Светлана. Машина пришла. Я пошутила. Какие вы у меня юные.

Павел. Гм. Половина десятого! Девочки, ну давайте же хоть что-нибудь делать.

Мария. У меня с трех прием.

Павел. Вот видишь. Давайте, живенько... (Уходит в другую комнату.)

Светлана (оставляя руку, любуясь). Мам, а я колечко нашла.

Мария (невнимательно). Колечко?

Светлана. Дешевенькое, правда. Но симпатичное. Такие сейчас в моде. Как раз мой размер. Девчонки сдохнут.

Мария. Так уж и сдохнут?

Светлана. Девицы? Точно! Ни за что не поверят, что нашла. Семейная реликвия.

Мария. Ты будешь мне помогать или нет?

Светлана. Да ты послушай. Это же как в сказке.

Мария. Где нашла?

Светлана. На чердаке. Там дырка какая-то, и то-о-оненький лучик, совершенно золотой, и я гляжу — что-то блестит. Ты представь: под самой крышей ржавый гвоздь... ну ты послушай! и на нем, в солнечном лучике, — колечко. Бабка сказала бы, что это перст божий. Ты только посмотри.

Мария. Светланка, отстань.

Светлана. А давай тебе примерим! Тебе пойдет. Дай лапку... Ма-ам! Дай пальчик...

Мария. Светка, отстань!

Светлана. Ну, ма-ам!

Мария. Что это?

Светлана. Колечко.

Мария. Где ты его взяла?

Светлана. На чердаке. Дешевенькое, но ничего. Такие теперь в моде, да?

Мария. На каком чердаке?

Светлана. На нашем.

Мария. На нашем?

Светлана. Я же тебе все рассказала: гвоздь, колечко. Лучик.

Мария. Что?

Светлана. Мать, ты глупеешь от любви. Лучик, солнечный.

Мария. Оно висело на гвозде у нас на чердаке?

Светлана. Подарок добрых гномов. *(Смотрит на мать, испуганно кричит.)* Папка! Папа!

Входит Павел.

Павел. Что случилось?

Светлана. Мама...

Павел. Что?

Мария *(протягивает ему кольцо)*. Вот. Кольцо.

Павел. Я вижу.

Мария. Светка нашла на чердаке.

Светлана. На гвозде... Наверху.

Павел. Поздравляю. Все? Больше ты ничего там не нашла? Машина придет через час. *(Уходит в другую комнату.)*

Светлана. Мам. Что случилось? Мама!

Мария. Займись чем-нибудь.

Светлана *(садится рядом)*. Расскажи. *(Голосом Буратино.)* «Здесь кр-роется какая-то тайна!»

Мария *(невольно улыбаясь)*. Светка...

Светлана. Мам. Поделись со мной. Я уже взрослая. Это чье кольцо? Бабушкино?

Мария. Мое.

Светлана. Твое?

Мария. В наше время такие тоже были в моде. А потом я его...

Светлана. Подарила!

Мария. Потеряла. *(Разглядывает колечко, кладет его на стол, берет связанные книги, выходит.)*

Светлана *(берет, разглядывает кольцо)*. Глупости. *(Кладет кольцо на стол, выходит.)*

Входит Павел, берет, рассматривает кольцо, не замечая, как вошла Мария.

Мария. Там, внутри, вырезаны мои инициалы.

Павел. Я знаю.

Мария. Ты...

Павел *(кладет кольцо)*. Осень уже. Жалко сада, правда?

Мария. Ты... не можешь знать. Я его...
Павел. Подарила Мише.

Мария отрицательно качает головой.

Оно в самом деле висело на гвозде? Забавно. Я его долго искал. Года два. Лазил на чердак с фонарем...
(Улыбнулся, махнул рукой.)

Мария. Ты не можешь знать!

Павел пожимает плечами, собирается выйти.

Павел!

Павел оборачивается.

Павлик... Как оно попало на чердак?

Павел (улыбнувшись). Я забросил.

Мария. Ты?

Павел выходит. Входит Светлана.

Светлана. Мам, а кому ты его подарила?

Мария не отвечает.

А я все равно знаю. Дяде Мише, отцовскому другу.
А отец ревнует, да? Ты в него сильно была влюблена?
А он умер до вашей свадьбы?

Мария. У нас и свадьбы-то не было. (Пауза.) Оказывается... Мишу не любил никто... Всех поразила я: света, как выяснилось, лучшего из лучших, и все-то по нем сохли, и все о нем в подушку плакали...

Светлана. Об отце?

Мария. А тут — какая-то замухрышка...

Светлана. Мама!

Мария. Отхватила видного да перспективного. Глупость.

Светлана. А отец?

Мария. Отец меня всегда любил. С первого курса.

Входит Павел.

(Светлане.) Иди, погуляй.

Светлана. Ма-ам.

Мария. Выйди, тебе говорят.

Светлана неохотно выходит. Пауза. Мария и Павел глядят друг на друга.

Зачем ты себя погубил?

Павел. Ты так считаешь?

Мария. Разве нет?

Павел. Он отдал мне кольцо, и мы расстались.

Мария (*безотносительно к последней реплике Павла*). Не верю!

Павел. Я тоже.

Мария. Оправдайся.

Павел. Оправдывающийся — виновен.

Мария. Я тоже помню латынь.

Павел. Я нашел его утром, в снегу, под поленницей. Увидел инициалы — и понял. Остальное я знал и раньше.

Мария (*с улыбкой недоверия*). Он с тобой — делился?

Павел. Какая ты была дура.

Мария (*жестко*). Возможно.

Павел (*мягко*). Кончилось, Машенька; уходит, уходит девочка с бантами... или уже ушла, давно? (*Смотрит в окно.*) Роса высохла, поднялась...

Осторожно входит Светлана. Павел и Мария не видят ее.

Ты не помнишь Маринку с четвертого курса?

Мария. Беленькую? (*Видит Светлану.*) Павлик!

Светлана. Мне уже можно? Мать, ты сумасшедшая.

Мария. Павел, скажи ей...

Светлана. Я не понимаю, переезжаем мы или нет? Сами говорили: машина, машина!

Мария. Света, это давняя и трудная история...

Светлана. Знаю я, что не бывает счастливых семей. Ты-то его любишь? Поговорить с вами по-человечески нельзя. (*Выходит.*)

Мария. Так что Маринка?

Павел. Зачем ты шла ко мне в тот вечер?

Мария (*морщится*). От самоедства... от тоски.

Павел. А вышло все случайно.

Мария. Случайно?

Павел. Да. Шел из больницы, смотрел, как работает Покровский: на «скорой» привезли мужика с разорванным мочевым пузырем, Покровский работал как бог, это старая школа...

Мария. Короче.

Павел. В том... дворе... встретил Мишку.

Мария. И дальше?

Павел. Рассорились.

Мария. Из-за меня?

Павел. А что ему ты? (Пауза.) Он упал... о поленицу.

Мария. Все?

Павел. Конспективно.

Мария. Сдается мне, милый мой, все это ты присочинил, сию минуту. Не было времени у вас на ссору, не получается. Он отстал, сказал, что догонит, мы хватились его минут через пять, он лежал... Мальчишки бросились — никого уже не было. И лежал он в другой стороне... и куда из больницы ты шел тем двором? Врешь, Павлик, врешь все и как-то неуклюже. Зачем?

Павел. Зачем ты вышла за меня? Не по любви же. Рассказать? Я устал, Маша, честное слово. Вышла, чтобы сохранить себя, — в институте, в комсомоле, чтоб не ехать к тревожным родителям, не рожать там — ни от кого...

Мария. Замолчи!

Павел. Возня с садом приучает к молчанию.

Мария. Я купила его в тот день, после лекций, на рынке, и там же мне вырезали буквочки, и никто-никто его не видел... Была уже ночь, мы шли от Федоровых и чему-то смеялись... я показала ему колечко, и он попросил поносить.

Павел. Попросил?

Мария. Попросил. Хоть чуть-чуть, сказал он. И надел на мизинец...

Павел. На левую руку.

Мария. Светка, доченька моя... Миша... Ты что, снял его?

Павел. Оно выпало из руки. Он снял — показать мне...

Мария. Ну врешь ведь!.. Я помню. Мы сбились с ног, мы с ума сходили и после всего, после милиции, после допросов, прибежали к тебе. Ты сидел, как всегда, возле печки, читал. Что ты читал, «Детскую хирургию»?

Павел. «Хирургию легкого».

Мария. Встал и спросил, что случилось. Сказали: Миша убит. А ты? Потерял сознание. (Пауза.) Как тебя все жалели! Про меня не знал никто, а тебя жалели наперебой, правда, все за глаза, жалели как верного друга, страдальца, все ахали, а ты ходил строгий, печальный и, как всегда, блистательно сдал сессию и совершенно

неожиданно для всех начал ассистировать у Покровско-го: юный талант... и как раз пошла мода на способных студентов, и газета дала о тебе статью, все девчонки влюбились в тебя, разглядели! — по ночам разговоров о тебе, а ты — загадочный, в романтическом, неземном ореоле... Все всегда шло тебе на пользу! Даже Мишина смерть! А я была — никто. Я была замухрышка, все в том же свитере, я была беременна, и кому объяснить, кому рассказать?.. Не подходи ко мне!! Я ведь знала, зачем шла к тебе.

Павел. Криминальный аборт.

Мария. Мне б сломали всю жизнь. Ты помнишь то время. А тебе я поверила. И обманулась. (*Передразнивает.*) «Девочка моя»!

Павел неожиданно как-то горько смеется.

...На левой руке?

Павел. Конечно, на левой.

Мария. Я пойду.

Павел. Иди.

Мария идет к выходу.

(*Вслед ей.*) Неужели ты думаешь, что я поеду с тобой в трехкомнатную, престижную квартиру?

Мария, не понимая, смотрит на него.

Иди. Ушла ведь девочка с бантами.

Мария выходит. Почти сразу в комнату врывается Светлана.

Светлана. Наконец-то! Папка, хоть ты поговори со мной.

Павел. С удовольствием.

Светлана. Папка, мать неправа. Я ее очень люблю, но, понимаешь, презрев женскую солидарность: она неправа. Последний день старой жизни, и устраивать сцены... Ты всегда говоришь, что я уже взрослая. Ты один говоришь. Ты можешь поговорить со мной, как со взрослой женщиной?

Павел. Да.

Светлана. Это кольцо другой женщины, да?

Павел. Нет. Это кольцо твоей матери.

Светлана. Мама?

Павел. Да.

Светлана. А к тебе оно попало от другой жен-

щины? Подожди, я все расскажу тебе сама. Мама подарила его... Мише? А он ее в чем-то обманул, да?

Павел. Только она этого не знала.

Светлана. Женщины никогда ничего не знают, папка, они презирают знание. Честное слово. Не то чтобы презирают, но не доверяют. Они — чувствуют. Они за неделю все чувствуют. Точно! Мать этот скандал за неделю предчувствовала и даже фотографию дяди Миши достала. Да. У нее такой потайной пакетик есть... Я еще маленькая в нем рылась.

Павел. Не знал.

Светлана. Мужчины все — бестолочь. Не обижайся. Вы только хорошо работать можете. А Миша подарил кольцо другой, а от нее оно попало к тебе. Так? А мать тебе этого простить не может.

Павел. Неужели кольцо отдала мне Маринка?

Светлана. Беленькая?

Павел (*улыбнувшись*). Черненькая. Нет. Я нашел его в снегу, под поленницей, таким, знаешь, кислым февральским утром. Вдруг оттаяло все...

Светлана. А почему — на гвозде?

Павел. Это я его так неумело выбросил. Придется тебе после обеда сбегать в больницу. Я, наверное, не смогу. Что-то плохо себя чувствую. Сейчас я напишу записочку...

Светлана. Его — убили? Кто?

Павел. Этого так и не узнали.

Светлана. Тоже мне; сыщики.

Павел. Дознаться легко, когда работают отношения, когда есть мотивы, побудительные причины. А когда кастетом, из-за паршивых наручных часов — нет...

Светлана. У него сняли часы?

Павел. По-моему, да. Но никто почему-то не обратил на это внимания. У нас были одни часы на двоих, и носили поочередно. Тот вечер был — его. Уязвимый момент...

Светлана. Выходит, ты кольцо нашел? Ну не грусти ты, папка!

Павел. Нашел, потерял... (*Подбирает какой-то лист бумаги, вынимает карандаш, пишет.*)

Светлана выходит. Павел быстро, почти не задумываясь, исписывает лист, переворачивает, пишет, задумывается. Выходит в соседнюю комнату, возвращается, подходит к окну.

Света! Светланка!

Где-то в саду откликается Светлана.

А где ружье?

Голос Светланы. Что?

Павел. Ружье где?

Светлана что-то кричит неразборчиво.

Где?

Входит Мария.

Мария. Ружье увезли вчера.

Голос Светланы. А зачем?

Павел (*Светлане*). Ладно! Спасибо!

Мария. Я его в последний момент сунула в диван.

Павел садится, вынимает из нагрудного кармана, ставит на ящик ружейный патрон, рядом втыкает скальпель,

Вернулась. Тревожно стало. Не дури. (*Берет исписанный Павлом листок бумаги, читает.*) «Варенниковой — снять дренаж. Соколову — три по четыреста кровь...» Думала, ты предсмертную записку пишешь.

Павел. Ты или Светланка, съездите в больницу, отдадите Пахомову.

Мария (*о Светлане*). Что ты ей сказал?

Павел. Правду.

Мария. Какую правду?

Павел (*улыбается*). Единственную.

Мария. Перестань кривляться.

Павел. Ты не сохранила фотографии Миши?

Мария. Нет. А ты — герой. Ты вечный герой! Видали вы человека, который вместо «прошу никого не винить» оставляет лист назначений?

Павел. Маша!..

Мария (*переворачивает лист, читает*). «Маша, милая, я счастлив...» А дальше?

Входит Светлана с огромной охапкой георгинов.

(*Нервно.*) Что тебе?

Светлана. А я не тебе. А отцу. (*Смеясь, заваливает Павла цветами.*) Срежу все до единого, ни одного не оставлю. Все — тебе!

Павел. Ну, Светланка...

Мария. Цветы. Всегда ему — цветы.

Светлана. Мать, ты шуток не понимаешь.

Мария. Упрямая. Вся в отца.

Павел. В меня?

Мария. В кого же?.. (Осекается.)

Павел. Н-да. Света, будь добра, позволь нам договорить наедине. Осталось совсем немножко.

Светлана. Ладно, папка. Ты — держись. (Выходит.)

Мария. Все равно она моя.

Павел. Ты мне что-то недосказала?

Мария. Я понимаю: ты любил меня...

Павел. Не знаю.

Мария. Любил. А счастье выпало — ему. Но откуда, из каких своих глубин ты вытаскиваешь право судить его за это? У тебя есть сад, утро, Светланка, я, и все ты отнял у него — ты понимаешь это?

Павел. Если б знала ты, что отнял он у меня. (Улыбается.)

Мария. Объяснись же! Напоследок. (Читает.) «Маша, милая, я счастлив...» (Вопросительно смотрит на Павла.)

Павел. Я счастлив оттого, что все это кончилось — нельзя строить жизнь на глупости.

Мария. Глупости?

Павел. И не жить нам, Мария Андреевна, в квартире «как у всех».

Мария (неуверенно). Я увезла ружье.

Павел. А это — пустая гильза. (Отшвыривает гильзу, выдергивает из ящика скальпель, кладет в нагрудный карман.) Мне — достаточно. А теперь послушай, напоследок. С Мишкой мы вместе служили срочную в Казахстане, в автомобильных войсках, вместе приехали сюда — поступать в медицинский. Никогда не пойму — зачем он ко мне привязался? Что за радость была ему мучить меня? Вот познакомился я с девушкой, и девчонка мне ужасно нравится, и я ей вроде бы любопытен; назначено свидание в воскресенье в парке, готовлюсь в увольнение, чищу сапоги... И Мишка тут как тут: «Куда? Зачем? Свидание небось? Что ж ты (я, значит) за свинья! — с девушкой не познакомишь?..» Я из части, он через забор и за мной... и все самоволки всегда ему с рук... Он за мной: «Фельдшериска на свидание погреб! Брось ты, Пашка, мы ж друзья, скотина!..» — и не отвязаться, не сбежать, и время на исходе... Так, хвостом, за мной к той девчонке и пришел, и сидим мы с ней, как идиоты, оба красные, а он между нами и чушь какую-то

несет, бойко, весело... Не могу! (*Встает, подходит к окну, глядит в сад.*) Не могу, до сих пор всего трясет. Что за странное, непостижимое удовольствие доводить людей до ненависти, до иступления...

Мария. Что же было дальше?

Павел. Будто не догадываешься. Он же простой парень, симпатяга. Выгреб у меня из кармана деньги и начал нас угощать мороженым, просто так, задушевно, а потом предложил Тоне отправить меня в казарму и пойти с ним гулять: «Что с него проку, деньги-то все проели!»

Мария. Я вижу, эта история тебя до сих пор очень трогает...

Павел. Нет, милая. Ни тебе, ни ему уязвить меня уже не удастся. Я уже не ваш. (*Пауза.*) Тоня отказалась, и тогда он ее — бранью, и все с невинными глазами, с широкой улыбкой... Заплакала, убежала... Я ударил его, и он избил меня. Потом, ночью, плакал и просил прощения, клялся, что я его лучший друг... Такая вот смешная дружба. Он кормился мной, я бесился, когда слышал в его рассуждениях все мои словечки, все — перевранные — мои мысли, я мечтал о конце службы как... не знаю о чем. Но он увязался за мной, ему было все равно, что делать, быть ли плохим инженером или врачом... Здесь он притих: штучки, хорошие в казарме, в студенчестве не проходят... Кудри и гитара, обаяшка, душа капустников... Здесь он начал побаиваться меня, потому что увидел меня в деле, потому что из всех я один знал ему цену. (*Смотрит в угол, где стояла Мишина кровать.*) Не обольщайся. Полгорода перебывало на этой кровати.

Мария (*кричит*). Врешь!

Павел. И что вы все в нем находили? А было очень удобно: я ведь через ночь крутился на «скорой» или дежурил в больнице; он-то деньги зарабатывал на бильярде, хватало и на модные башмаки, и на выпивку.

Мария. Ты ему просто завидуешь!

Павел. Да.

Мария. Ты мелкий, паршивый завистник!..

Павел. Да.

Мария. И даже дочь, от которой ты без ума, — не твоя.

Павел. Не моя. (*Возвращаясь к рассказу.*) Отноше-

ния наши практически кончились, слишком велик был разрыв, я обещал состояться как хороший хирург, ему же... не знаю... И тут он заметил меня и тебя. И начал водить тебя на каток. Катался он мастерски. Кудрявый, без шапки, румянец, пластинки крутят... И брызги льда из-под «ножей».

Мария. Я сейчас уйду. Это невозможно.

Павел. Иди. И вот он попросил меня не ночевать. Я знал, что настало время привести тебя. Я отказался. А через день дежурил и утром все понял по глазам. А он, потягиваясь, сказал мне: «А знаешь, я тут...» Промолчал я, я давно уже научился молчать, приучился, что надо быть одному, что любое доверие — это завтрашнее предательство... Он не понимал. Ему нравилось рассказывать о тебе подробности, его изводило мое молчание, он лез из кожи... и плюнул. В феврале он привел уже Маринку Свиридову, с четвертого курса.

Мария. Маринку? С косами? Эту корову? Неправда! Ты выдумал, этого не может...

Павел. А ты все сияла глазами. Я смотрел, как чародействовал Покровский, мне уже дозволялось не торчать на галерее, а быть рядом со столом, я смотрел и все думал о том, что сегодня у Федоровых вечеринка, и там Миша с гитарой, и вы, обе-две...

Мария. Теперь я вспомнила! В тот вечер...

Павел. С операции я шел к Федоровым. Шел сказать тебе все. В дровяные сараи он свернул сам. Я там шел — чтоб короче. Он бессмысленно улыбнулся, наверное, много выпил. «Вот колечко от Маши, на память, дешевое, правда...»

Мария. На память?

Павел. И ни о чем я не думал, и легко снял полено: узкое, березовое, точное... лишь увидел висок, и угол полена сам лег туда. Полено я аккуратно положил на место. Кольцо нашел утром, когда пришел посмотреть.

Все бы кончилось еще тогда, но Покровский заметил во мне перелом. Для меня исчезла необходимость стараться, мне достаточно было смотреть — руки делали сами. *(Оглядывается.)* Видишь — муха? Не спугни. *(Берет скальпель за кончик-рукоятки, делает широкое, спокойное и твердое движение.)* Анатомический театр. Покровский сказал, что у меня прозрели руки. Началась серьезная работа со стариком, плевать мне было

на ваше следствие, тем более что у вахтера спешили часы.

Пауза.

Мария. За меня?..

Павел. Нет, не дам тебе этой радости. За Тоню. (Пауза.) Вот такой сумасшедший приснился мне сон в ту ночь, когда я пришел с операции и ждал его, чтобы поговорить — раз и навсегда.

Мария. Сон?

Павел. А кольцо я швырнул в открытую дверь чердака: снег так светился под луной, а она была черной-черной...

Мария. Где же... сон, а где... явь?

Павел (улыбается). А не все ли равно? Девочка с бантами — ушла... Пришла девочка в валеночках... Это было моей величайшей ошибкой.

Мария. Подожди, Павлик, надо же разобраться, ты, как всегда, отделяешься шуточками, какой-то ерундой... Давай поговорим!

Голос Светланы (за окном.) Скоро вы там? Родители! Папка! Сколько можно занудничать?

Павел (Светлане). Уже все. Почти все.

Входит Светлана с охапкой цветов.

Светлана. Вот вам цветы — и миритесь. Немедленно миритесь!

Мария (обнимает Светлану). Доченька... Светка.

Павел (Марии). Так что не забудь, отдай записку Пахомову.

Светлана (осторожно отбирает у Марии колечко). Дай... Мам. Дай, пожалуйста. Я его выброшу.

Павел (отвечая на взгляд Марии). Мне его потом отдала Маринка. Пока ты танцевала с Федоровым, он подарил колечко ей. Это была шутка. Он же замечательный веселый парень. Он любил так шутить.

За окном гудок автомобиля.

Светлана. Машина пришла.

Мария. Какая машина?

Павел. Грузовик. Главный хирург с любимой женой и дочерью перебирается в прекрасную квартиру с паркетом и лоджией. Жизнь продолжается.

Гудок автомобиля.

(Деловито.) Что вы встали? Давайте скорей. Выгребайте все остальное во двор! Я бумаги последние уложу.
(Уходит в другую комнату.)

Мария и Светлана машинально принимаются за книги.

Светлана. Мать, куда мы денем эти книги?

Мария (внезапно бросаясь к двери, куда ушел Павел). Павлик, не надо! Любимый, не на-а-адо!!.

Падают на пол цветы,